

# Глава 1

## Шлюз 14

В результате кропотливо восстановленных фактов ничего не выяснилось, кроме того, что находка двух коноводов из Дизи была, мягко говоря, странной.

В воскресенье — это было четвертое апреля — с трех часов дня пошел проливной дождь.

На тот момент в порту, расположенном над шлюзом номер четырнадцать, соединяющим Марну и обводный канал, стояли две моторные баржи, идущие вниз по течению, одно разгрузившееся судно и судно-погрузчик.

Незадолго до семи часов, когда начали опускаться сумерки, наливное судно «Эко III», возвестив о себе, вошло в шлюзовую камеру.

Смотритель шлюза встретил его неприветливо, поскольку у него в гостях были родственники. Он знаками дал отбой идущей следом барже на конной тяге, которую медленно тащили две лошади.

Не успел он вернуться в дом, как следом вошел знакомый коновод.

— Можно нам пройти? Хозяин хочет завтра ночью быть в Жювињи...

— Проходи, если хочешь. Только сам открывай ворота шлюза...

Дождь становился все сильнее. Из окна смотритель видел коренастую фигуру коновода, который тяжелой поступью прошел от одних ворот к другим, подстегнул лошадей и набросил швартовые канаты на кнехты<sup>1</sup>.

Баржа постепенно поднималась над стенами. За штурвалом стоял не хозяин, а его жена, крупная бельгийка с ярко-белыми волосами и пронзительным голосом.

---

<sup>1</sup> Кнехт — парная тумба с общим основанием на палубе судна или на причале для крепления тросов. — *Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.*

В двадцать минут восьмого баржа «Провидение» встала напротив кафе «Марин», позади «Эко III». Лошадей завели на борт. Коновод и хозяин направились к кафе, где сидели другие речники и два лоцмана из Дизи.

В восемь часов, когда совсем стемнело, к воротам шлюза подошел буксир, тянувший за собой четыре судна.

После этого посетителей в кафе «Марин» значительно прибавилось. Было занято шесть столиков. Сидевшие за ними мужчины окликались друг друга. Вновь прибывшие оставляли за собой мокрые дорожки, стряхивали грязь с сапог.

В соседней комнате, освещенной керосиновой лампой, женщины закупали провизию.

Было душно. Разговоры в основном велись вокруг происшедшей на шлюзе номер восемь аварии, которая могла повлечь за собой задержку судов, идущих вверх по течению.

В девять часов жена хозяина баржи «Провидение» пришла за своим мужем и коноводом, которые попрощались со всеми и вышли из кафе.

В десять часов на многих судах погас свет. Смотритель шлюза проводил своих родственников до шоссе в Эперне, пересекавшего канал в двух километрах от шлюза.

Он не заметил ничего необычного. На обратном пути, проходя мимо кафе, он заглянул туда, и его тут же окликнул лоцман.

— Заходи, пропустим по рюмашке! Ты весь вымок...

Он выпил ром стоя. Два коновода, отяжелевшие от красного вина, с блестящими глазами, поднялись из-за столика и направились к конюшне, прилегающей к кафе, где улеглись спать на солому, рядом со своими лошадьми.

Они были не очень пьяны, но выпили достаточно, чтобы уснуть крепким сном.

В конюшне, освещаемой лишь тусклым светом ночника, стояло пять лошадей.

В четыре утра один из коноводов разбудил своего спутника, и они оба принялись чистить лошадей. Они слышали, как выводили и запрягали лошадей с баржи «Провидение».

В это же время хозяин кафе проснулся и зажег свет в своей комнате на втором этаже. Он тоже слышал, как отчалила баржа «Провидение».

В половине пятого завелся дизельный мотор наливного судна, но отправилось оно лишь четверть часа спустя, после того как его хозяин выпил грог в кафе, которое к тому времени уже открылось.

Он едва успел выйти из заведения, а его судно еще не дошло до моста, когда два коновода обнаружили свою находку.

Один из них тянул лошадей к бечевнику<sup>1</sup>. Другой рылся в соломе, пытаясь отыскать свой кнут, когда его рука наткнулась на холодное тело.

Ему показалось, что он увидел человеческое лицо, и, судорожно схватив фонарь, он осветил труп, которому предстояло взбудоражить весь Дизи и нарушить размеренную жизнь канала.

Комиссар Мегрэ из Первой оперативной бригады перебирал в памяти все эти факты, пытаясь поместить их в реальную обстановку.

Был вечер понедельника. Этим утром прокуратура Эперне выехала на место, и после осмотра тела криминалистами и судмедэкспертами его увезли в морг.

По-прежнему моросил дождь, мелкий, частый и ледяной, не прекращавшийся всю ночь и последующий день.

У ворот шлюза сновали фигуры, и мало-помалу поднималось какое-то судно.

Комиссар приехал сюда час назад, и все это время просто пытался освоиться в новом для него мире, о котором имел смутные и не совсем верные представления.

Смотритель шлюза сказал ему:

— В бьефе<sup>2</sup> почти никого не было: две моторки ушли вниз по течению, одна — вверх, прошла через шлюз после обеда, еще один погрузчик и две панамы. Потом прибыл котел с четырьмя баржами...

И Мегрэ узнал, что котел — это буксир, а панاما — судно, которое не имеет ни мотора, ни лошадей, и нанимает коновода со своими лошадьми на определенный маршрут, что представляет собой малую навигацию.

---

<sup>1</sup> Бечевник — сухопутная дорога вдоль берега водного пути, реки или канала. — *Примеч. пер.*

<sup>2</sup> Бьеф — часть водоема, реки или канала, примыкающая к гидротехническому сооружению (плотина, шлюз). — *Примеч. пер.*

Приехав в Дизи, он увидел лишь узкий канал в трех километрах от Эперне и небольшую деревню возле каменного моста.

Ему пришлось шлепать по грязи вдоль бечевника до самого шлюза, который находился в двух километрах от Дизи.

Там он увидел серый каменный дом смотрителя шлюза с вывеской: «Пункт регистрации судов».

Мегрэ зашел в кафе «Марин»: других зданий в округе не было.

Слева располагался скромный зал со столиками, накрытыми коричневой клеенкой; стены в помещении были выкрашены в наполовину коричневый, наполовину грязно-желтый цвет.

Но благодаря особому запаху здесь сразу чувствовалось отличие от любого загородного кафе: тут пахло конюшней, упряжью, дегтем, бакалеей, керосином и соляжкой.

На двери справа висел колокольчик, а стекла были обклеены прозрачными рекламными плакатами.

Комната была до отказа наполнена разными товарами: непромокаемые плащи, сабо, брезентовая одежда, мешки с картошкой, бочонки с растительным маслом, ящики с сахаром, горохом, фасолью вперемешку с овощами и фаянсовой посудой.

Покупатели не появлялись. В конюшне осталась только одна лошадь, которую хозяин запрягал, когда ездил на рынок. Крупная серая лошадь была ручной, как собака, ее не привязывали, поэтому время от времени она выходила и гуляла по двору среди кур.

Все вокруг было залито дождем. Это создавало определенную атмосферу. Фигуры прохожих, которые шли, наклонившись вперед, выглядели темными и блестящими.

В ста метрах по местной узкоколейке ходил туда-обратно маленький поезд, и его машинист закрепил сзади миниатюрного локомотива зонтик, сидя под которым зябко сутулил плечи.

От берега отошла баржа. Матрос, орудуя багром, подвел ее к шлюзу, из которого уже выходила другая баржа.

Как попала сюда эта женщина? И зачем? Этот вопрос с изумлением задавали себе полицейские из Эперне, сотрудники прокуратуры, медики, криминалисты, а теперь дошла очередь и до Мегрэ.

Женщина была задушена — это, по крайней мере, не вызывало сомнений.

Смерть наступила в воскресенье вечером, по всей вероятности, около половины одиннадцатого.

А труп обнаружили в конюшне чуть позже четырех утра.

Поблизости от шлюза не проходит ни одной дороги. Здесь нечего делать тем, кто не занимается судоходством. Бечевник слишком узкий, чтобы по нему могла проехать машина. А пешком этой ночью пришлось бы идти, по колено увязая в грязи и лужах.

При этом женщина явно принадлежала к тем людям, кто чаще передвигается на роскошных автомобилях или в комфортабельных спальнях вагонах, чем пешком.

На ней было лишь шелковое кремовое платье и белые замшевые туфли, которые казались скорее пляжной обувью, чем городской.

Платье было измято, но без единого пятнышка грязи. На момент обнаружения тела влажным был лишь кончик левой туфли.

— От сорока пяти до пятидесяти лет! — сказал врач после осмотра.

В ушах у нее были серьги в виде двух натуральных жемчужин стоимостью около пятнадцати тысяч франков. Ее браслет из золота и платины, выполненный в стиле ультрамодерн, представлял скорее эстетическую ценность, но на нем стояло имя ювелира с площади Вандом<sup>1</sup>.

Волосы у женщины были темные, волнистые, коротко стриженные на затылке и висках.

Что касается лица, теперь обезображенного удущьем, то прежде оно отличалось несомненной красотой.

Женщина, бесспорно, блистала в обществе.

Ее покрытые лаком ухоженные ногти были грязными.

Возле нее не обнаружили дамской сумочки. Полицейские из Эперне, Реймса и Парижа, получив снимок трупа, с самого утра тщетно пытались установить личность погибшей.

А дождь все продолжал беспрерывно литься на угрюмый пейзаж. Слева и справа горизонт закрывали меловые холмы с белыми и черными полосами, где виноградники в это время года выглядели как деревянные кресты на воинском кладбище.

Смотритель, которого можно было узнать только по фуражке с серебряным галуном, с удрученным видом бродил вокруг своего

---

<sup>1</sup> Эта парижская площадь славится своими роскошными бутиками ювелирных изделий. — *Примеч. пер.*